

© 2023. О. Н. Смыслова

Московский педагогический государственный университет
г. Москва, Россия

«Горнило сомнений» Ф. М. Достоевского и его героев¹

Аннотация: В рецензии, посвященной книге почетного профессора Ноттингемского университета, известного русиста и достоевиста Малкольма Джонса «Достоевский и динамика религиозного опыта» (перевод с английского языка Т. Грошевой), анализируются структура, стиль и оригинальная методология исследования, заключающаяся в синтезе идей М. М. Бахтина, деконструктивизма и «модели Эпштейна». В книге М. Джонса предлагается своя концепция эволюции «религиозного опыта» Достоевского и его героев, генетически определившегося в традиции апофатического богословия и восходящего через сомнения и метания между безусловной верой и нигилистическим атеизмом к новой форме религиозного сознания, именуемой «минимальной религией» (термин Эпштейна). В рецензируемой книге обнаруживаются нетривиальные, смелые, иногда неожиданные для отечественного литературоведения выводы о характере религиозных поисков Достоевского, их генезисе, эволюции и художественном воплощении в поздних романах.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, М. М. Бахтин, «Братья Карамазовы», «Идиот», религия, христианство, повествовательная структура, деконструктивизм, апофатическое богословие.

Информация об авторе: Ольга Николаевна Смыслова, кандидат филологических наук, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1, 119991 г. Москва, Россия, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1595-5523>

E-mail: osmisl@rambler.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 06.12.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 17.01.2023

Дата публикации статьи: 25.03.2023

Для цитирования: Смыслова О. Н. «Горнило сомнений» Ф. М. Достоевского и его героев // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 1. С. 204–221. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-204-221>

¹ Рецензия на книгу: Джонс, Малкольм. Достоевский и динамика религиозного опыта / Джонс М.; [пер. с англ. Т. Грошевой]. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. 287 с. (Серия «Современная западная русистика» = «Contemporary Western Rusistika»).

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 1, 2023, pp. 204–221. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 1, 2023, pp. 204–221. ISSN 2686-7494

Book Review

© 2023. Olga N. Smyslova
Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russia

“The Crucible of Doubts” of F. M. Dostoevsky and His Heroes¹

Abstract: The review is dedicated to the book by the honorary professor of the University of Nottingham, the famous Russist and dostoevist Malcolm Jones “Dostoevsky and the Dynamics of Religious Experience” (trans. from English by T. Grosheva). The author of the review concentrates on the structure, style and original research methodology consisting in the synthesis of the ideas of M. M. Bakhtin, deconstructivism and “the model of Epstein.” The book by M. Jones offers his own concept of the evolution of Dostoevsky’s and his heroes’ “religious experience,” genetically determined in the tradition of apophatic theology and ascending through doubts and tossing between unconditional faith and nihilistic atheism to a new form of religious consciousness, called “minimal religion” (Epstein’s term). The book under review reveals non-trivial, bold conclusions, sometimes unexpected for Russian literary criticism, about the nature of Dostoevsky’s religious searches, their genesis, evolution and artistic embodiment in later novels.

Keywords: F. M. Dostoevsky, M. M. Bakhtin, “The Karamazov Brothers,” “Idiot,” religion, Christianity, narrative structure, deconstructivism, apophatic theology.

Information about the author: Olga N. Smyslova, PhD in Philology, Moscow Pedagogical State University, Malaya Pirogovskaya St., 1, 119991 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1595-5523>

E-mail: osmisl@rambler.ru

Received: December 06, 2022

Approved after reviewing: January 17, 2023

Published: March 25, 2023

For citation: Smyslova, O. N. “‘The Crucible of Doubts’ of F. M. Dostoevsky and His Heroes.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 1, 2023, pp. 204–221. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-204-221>

¹ Book review: Jones, Malcolm. Dostoevsky and the Dynamics of Religious Experience / Jones M.; [trans. from English by T. Groshevoy]. St. Petersburg: Academic Studies Press / Bibliorossika, 2022. 287 p. (Series “Modern Western Russian studies” = “Contemporary Western Rusistika”).

Книга «Достоевский и динамика религиозного опыта» написана Малкольмом В. Джонсом — известным английским славистом, почетным профессором русского языка Ноттингемского университета, почетным президентом Международного общества Достоевского, автором статей о русской литературе на английском языке. На русском языке в 1998 г. вышла книга ученого «Достоевский после Бахтина. Исследование фантастического реализма Достоевского» [Джоунс 1998], в 2005 г. были опубликованы две статьи исследователя («Достоевский. Засецакая и учение лорда Редстока», перевод Т. А. Касаткиной [Джоунс 2005]; «Романтизм в творчестве Ф. М. Достоевского: “Неточка Незванова” и “Матильда” Эжена Сю», перевод Т. А. Касаткиной при участии А. Л. Гумеровой [Джоунс 2005а] в коллективном труде «Достоевский. Дополнения к комментарию», а в 2007 г. в сборнике «Роман Ф. М. Достоевского “Братья Карамазовы”: Современное состояние изучения» была опубликована статья ученого «Молчание в “Братьях Карамазовых”», перевод Т. А. Касаткиной [Джоунс 2007].

Новая для русскоязычного читателя книга (на английском языке она вышла в свет в 2005 г.) вызовет интерес специалистов, поскольку она не просто написана ученым, чьи научные разыскания хорошо известны в России, но и потому, что посвящена одной из магистральных проблем достоевистики XXI в., обозначенных и освещенных в одном из тридцати томов научных трудов серии «Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре», выход которой был приурочен к 200-летию юбилею писателя. Во введении к коллективной монографии «Богословие Достоевского» упомянутой серии Т. А. Касаткина указывает на важность исследования религиозного опыта писателя «для выработки принципов доказательной интерпретации текстов Достоевского, для представления богословской системы Достоевского в общем движении богословской мысли человечества, для определения причин востребованности творчества

писателя современным мировым сообществом, и, наконец, для включения в историю русской православной мысли идей крупнейшего отечественного богослова, признанного всем миром, но до сих пор не оцененного в полноте в этом качестве в России» [Богословие: 19]

Действительно, вопрос о роли и месте религии в жизни и творчестве писателя, о своеобразии его богословских идей, наконец, интерпретации его творений как созданий «реализма в высшем смысле» [Степанян], «христианского реализма» [Захаров 2013: 8] по-прежнему остается актуальным. Попутно отметим, что Джонс использует в своей работе определение «фантастический реализм», от которого отечественная достоевистика постепенно отказывается. По словам В. Н. Захарова, «фантастический и христианский — два эпитета, две стороны одной медали, два образа “реализма в высшем смысле” Достоевского: лицевая сторона мерцает загадочным словом фантастический, на обороте откровенное выражение сущности — христианский» [Захаров 2008: 397].

Особенностью исследования Джонса является сочетание корректности в отношении англоязычных и российских исследователей, чьи труды часто цитируются в работе, верности идеям М. М. Бахтина и советского классического достоевсковедения с приемами декон-

структивизма, смелости суждений и выводов с простотой их стилистического оформления и ясностью терминологического аппарата, несмотря на его кажущуюся эклектичность. Рецензируемая книга была написана для англоязычной аудитории (что объясняет большее количество ссылок на зарубежные источники). Об этом уведомляет Джонс в предисловии к русскому изданию, где утверждает, что ориентация книги на иностранного читателя позволит прояснить значение Достоевского «как за пределами его собственной страны, так и внутри нее» [Джонс 2022: 7], а произведения писателя «продолжают оказывать огромное влияние на современное западное сознание» [Джонс 2022: 7]. Джонс выделяет два аспекта в исследованиях, которые актуальны в новом тысячелетии: во-первых, «это растущий интерес к религиозному измерению творчества Достоевского в постсоветской России», а во-вторых — «доминирование постмодернистской теории в гуманитарных науках на Западе» [Джонс 2022: 8], которое должно сказаться на дальнейшем исследовании Достоевского. Обе тенденции отражены в книге «Достоевский и динамика религиозного опыта», что спровоцирует, по убеждению автора, «дискуссию на спорном поле» [Джонс 2022: 8].

В предисловии к англоязычному изданию Джонс указывает на преимущество новой книги написанной ранее монографии «Достоевский после Бахтина», где были осуществлены первые попытки связать «религиозные взгляды Достоевского с повествовательной структурой» [Джонс 2022: 9]. В этой формулировке раскрыта одна из основных методологических особенностей рецензируемого труда, в котором религиозный аспект творчества позднего Достоевского освещается человеком другой культуры, другой эпохи, иных религиозно-философских взглядов, что дает свободу в высказывании смелых и порой провокационных для отечественной науки идей, но дающих импульс к интерпретационным открытиям. Эту свободу — историко-литературную, терминологическую, философскую, стилистическую — определяет и жанр книги. Она состоит из шести глав-эссе, в которых рассматриваются совершенно разные стороны «религиозного аспекта художественного мира Достоевского» [Джонс 2022: 11]. Именно так определяет объект исследования ученый, оговаривая, что он не занимается конструированием философии религии Достоевского. В предисловии Джонс заявляет, что в качестве базиса наблюдений над спецификой ре-

лигиозных исканий самого писателя и его героев он выбирает «модель Эпштейна» [Джонс 2022: 15], как именуется в книге теория «бедной религии» («minimal religion») М. Н. Эпштейна.

В первом эссе «Путь религиозных открытий Достоевского: биографическое введение» обзорно описывается жизнь писателя и роль в ней религии. Отмечая православные основы воспитания Достоевского, Джонс указывает и на особое влияние западной культуры на формирование мировоззрения будущего писателя, без учета которого невозможно говорить о сущности его религиозного чувства. Важным в описании «религиозных открытий» Достоевского оказывается знаменитое письмо к Н. Д. Фонвизинной о символе веры, которое будет неоднократно упоминаться в книге как аргумент в построении концепции Джонса о неоднозначности религиозности писателя после каторги, но верности идеалу Христа. Отдельно ученый пытается объяснить англоязычной аудитории идеологию почвенничества, хотя, по утверждению самого Джонса, большинству читателей она не интересна, поскольку «с националистическим душком» и «не проливает света на по-настоящему оригинальные и пронизательные идеи основных произведений Достоевского и имеет мало общего с теми качествами, которые сделали его писателем мирового уровня» [Джонс 2022: 30–31]. Именно по этой причине Джонс отказывается от рассмотрения публицистики Достоевского и «Дневника писателя». Трудно согласиться с такими утверждениями, однако они понятны и простительны автору, а также объясняют его тезис о том, что «не идеология позднего Достоевского, а духовная борьба раннего Достоевского дает нам наиболее ценные ключи к чтению его зрелых романов» [Джонс 2022: 31]. Именно этот тезис, а не сама словесно зафиксированная истина, отражает идею Джонса о важности пути к истине, процесса ее открытия, «духовного паломничества».

В первом эссе Джонс пытается реконструировать образ мышления Достоевского и объяснить англоязычному читателю исключительно православные понятия, ценности и свойства характера. Интересны наблюдения над образом Сони Мармеладовой и ее «простой верой, характеризующейся смирением, состраданием, прозорливостью и умилением» [Джонс 2022: 36]. Как полагает автор, именно «умиление» наименее понятно «западному уму». Заслуживает уважения, что при объяснении многих вопросов, связанных с русской православной

традицией, Джонс обращается к работам авторитетных российских ученых — В. Н. Захарова, В. Е. Ветловской, И. А. Есаулова, Т. А. Касаткиной, Б. Н. Тихомирова и др. Это отражено в библиографии (хотя в ней преобладают труды англоязычных авторов, что может быть весьма полезно отечественным специалистам) и в предметно-именном указателе.

Во второй части главы Джонс говорит в основном о героях позднего творчества, которые представляют два полюса религиозных поисков — незыблемую веру в Бога и бессмертие души человеческой и абсолютный нигилизм. По мнению автора, более убедительны и психологически интересны герои атеистических взглядов, нежели апологеты христианства, что позволяет ему сделать вывод о сомнениях самого Достоевского, которые до последних дней были столь сильны, что можно говорить об особом типе религиозности писателя, совершенно отличном от «нерефлексивного теологического консерватизма» [Джонс 2022: 52]. Джонс пишет о «ростках нового религиозного восприятия, растущих на православной почве и удобренных европейскими образами» [Джонс 2022: 51], в текстах Достоевского, которые в дальнейшем вызревают в особую форму религиозности, обозначаемую им как «бедная религия». Развитию этих предварительных умозаключений посвящены следующие главы, хотя каждая из них может быть прочитана как отдельная работа, поскольку многие идеи повторяются в них.

Эссе второе называется «Введение в текущую дискуссию». В нем вновь говорится о месте в жизни и творчестве Достоевского христианства, которое «было вовлечено в ожесточенную борьбу с самым отчаянным атеизмом» [Джонс 2022: 53]. Глава строится как анализ работ зарубежных исследований по теме «Достоевский и религия», на основе которого делаются собственные выводы. Так, например, постулируется, что самыми дискуссионными вопросами в англоязычной достоевистике являются вопросы о вере и безверии в произведениях писателя и характере его христианства. Пристальное внимание уделяется разбору сборника статей «Достоевский и христианская традиция» под редакцией Джорджа Паттисона и Дайаны Томпсон [Dostoevsky 2001]. Можно сказать, что вся глава посвящена рецепции и полемике с авторами статей этого сборника. Джонс констатирует, что в нем не решены фундаментальные вопросы, и дискутирует с исследователями.

По его мнению, не важны вопросы о том, с какой точки зрения трактовать произведения Достоевского, считал ли он себя православным человеком и проч., а главное определить то, «в какой степени его романы могут быть правильно, без искажений истолкованы как *выразители* или *проводники* православного христианства или христианства в целом» [Джонс 2022: 57]. Другими словами, ученому важно уяснить позицию так называемого «идеального автора» и предложить новый способ прочтения текстов Достоевского, который ответил бы на множество вопросов, не решенных пока в литературоведении и очень правильно и точно сформулированных Джонсом без свойственной отечественной науке осторожности [Джонс 2022: 60–61]. Он предлагает провести «эксперимент» и рассмотреть художественные произведения, опираясь на семь критериев, или «измерений религии», выделенных религиоведом Ниниан Сمارт» [Джонс 2022: 70]. В результате такого «эксперимента» Джонс делает «ряд предварительных выводов», согласно которым приходит к заключению, что «русское православие не столько озаряет своим светом произведения Достоевского, сколько позволяет ему время от времени судорожно мерцать в различных обличьях и контекстах», являясь «неотъемлемой частью человеческого опыта персонажей Достоевского, как и самого автора» [Джонс 2022: 79]. Эта идея проходит через всю книгу, в которой утверждается важность православия как основы русского мироустройства, изображаемого в романах писателя, но не определяющего всю совокупность религиозных исканий героев.

В заключении второго эссе, посвященного анализу понимания англоязычными исследователями религиозных взглядов Достоевского, их истоков и эволюции, Джон считает необходимым эскизно обрисовать проблему восприятия писателем кантовских идей и определить «один из величайших проектов Достоевского» как переосмысление христианства для «посткантиановского мира» [Джонс 2022: 80], что обусловило то колоссальное влияние идей писателя на «диалог между христианской верой и светской философией XX века» [Джонс 2022: 82]. Представляется, что автор рецензируемой книги ставит одной из задач своего исследования показать теснейшую связь Достоевского с западноевропейской философией и культурой, их значимость для оформления его религиозных взглядов, в которых православная традиция не играет определяющей роли.

Третье эссе названо смело и эффектно — «Моделирование религиозного сознания в произведениях Достоевского: смерть и воскресение православия». В этой части, опираясь на биографический и литературоведческие контексты, рассмотренные ранее, Джонс пытается сформулировать то, что может включать в себя религиозный опыт Достоевского. По мнению ученого, это спектр «от полноты веры до безысходности неверия» [Джонс 2022: 83]. Так, например, как явствует из семантически двойственного названия, в главе рассматриваются мотивы смерти и воскресения («пасхальный мотив») в структуре зрелых произведений Достоевского и место православия в религиозных взглядах автора «великого пятикнижия».

Большую часть главы вновь занимает аналитический разбор различных точек зрения на природу религиозных воззрений Достоевского, построенный как описание этих точек зрения и отказ от них, поскольку ни одна из представленных позиций не может быть принята как удовлетворяющая интерпретатора. Джонс специально оговаривает, что российские и англоязычные исследователи по-разному определяют значимость православной традиции во взглядах писателя и его художественном мире, однако полагает, что доминанта православной окраски христианских мотивов в творчестве писателя обусловлена «его собственным религиозным и культурным происхождением» [Джонс 2022: 93], хотя и не стоит прочитывать произведения только в свете православной веры. Вроде бы констатируя факт, что «пасхальный мотив» играет особую роль в православии, Джонс тут же говорит о важности воскресения для всех обрядов инициации в мифологии в целом, для биографии самого писателя, пережившего на Семеновском плацу, на каторге и в ссылке «своего рода смерть и воскресение» [Джонс 2022: 84–85].

Отказывается автор рецензируемой книги и от точки зрения, «согласно которой атеизм и христианство являются равнозначными голосами», называя это «вульгарным бахтинизмом» [Джонс 2022: 105]. Не желает разделять и взгляд на Достоевского как «еретика», ошибочно понимающего православную традицию, а то и отходящего, уклоняющегося от нее [Джонс 2022: 106–107]. Наконец, Джонс подводит читателя к мысли о том, что «модель смерти и воскресения» лежит в основе художественного видения писателя и отражает его собственные «духовные странствия» через «горнила сомнений» и «осанны» к вызре-

ванию новой формы духовности, в которой равнозначны пережитые «религиозный и атеистический опыт» [Джонс 2022: 114–115]. Так, по мнению исследователя, в творчестве Достоевского предугадан «феномен постатеизма» [Джонс 2022: 117]. Это термин Михаила Эпштейна приводится со ссылкой на статью 1999 г., посвященную концепции «бедной религии» («minimal religion»). В библиографии представлены две работы философа, изданные на английском языке, суть которых подробно излагается в книге Джонса. Многие работы Эпштейна изначально написаны на русском языке и доступны русскоязычному читателю. Из более поздних трудов стоит назвать книгу «Религия после атеизма. Новые возможности теологии», изданную в 2013 г., в приложении к которой — «Мелколъм Джонс и Роуэн Уильямс (архиепископ Кентерберийский) о бедной религии у Достоевского» — упоминается рецензируемая книга как доказательство интереса исследователей творчества Достоевского к теории «минимальной религии» и приводятся из нее выдержки [Эпштейн: 404–405]. Джонс предлагает интерпретировать тексты Достоевского, опираясь на «модель Эпштейна», поскольку полагает, что она способствует правильному прочтению романов писателя, в которых был предсказан грядущий постатеистический период. Такой интерпретации посвящены следующие два эссе.

В эссе четвертом «Деконструкция и тревога у Достоевского» интересны наблюдения над тем, как у Достоевского воплощаются духовные переживания «на границе между полнотой религиозного опыта и пустотой атеизма» [Джонс 2022: 117], которая весьма подвижна. Поэтому человек в мире Достоевского, находясь на крайней ступени атеизма, может перейти к вере, что соответствует теории «минимальной религии», а у Достоевского выражается в его идее возможности мгновенного преображения человека, вдруг открывающего для себя истину. Эта мысль неоднократно раскрывалась художественно и утверждалась в «Дневнике писателя», прямо обращенном к современникам, теряющим веру и впадающим в нигилизм. Вновь и вновь отказываясь от традиционного анализа «идейно-религиозных измерений художественного мира Достоевского» [Джонс 2022: 125], Джонс говорит о невозможности постичь сущность этих «измерений» без обращения к «пронизывающему воздух, которым он дышал», апофатическому богословию [Джонс 2022: 126], с которым автор связывает и признаки «доконструктивной тревоги», обнаруживаемые в произведениях писа-

теля. Важным аргументом, позволяющим свободно и смело рассуждать о влиянии апофатизма на Достоевского, является указание на бессознательность его восприятия. Автор книги пытается показать тончайшие грани, отделяющие абсолютный нигилизм и безверие от апофатической религиозности, и доказать, что в романном мире Достоевского они постоянно пересекаются героями.

Оригинально характеризуется широкий диапазон религиозных поисков героев романного пятикнижия. Ярким примером такого анализа являются рассуждения о Кириллове, который, по мнению ученого, «лучший в творчестве Достоевского пример того, каково жить на этом опасном пороге между верой и неверием» [Джонс 2022: 132]. Именно герой «Бесов» «воплощает в себе нескольких аспектов духовной карты, созданной Эпштейном» [Джонс 2022: 133]. Описание совершившегося «вдруг» духовного просветления Алеши Карамазова в главе «Кана Галилейская» трактуется Джонсом как «постатеистический, минимальный религиозный опыт», как иной, новый вариант духовности, вырастающей из «столкновения православия с метафизическим нигилизмом» [Джонс 2022: 137–138]. В отдельном эссе о романе «Братья Карамазовы» (эссе пятое) полностью цитируется отрывок и детально разъясняется его смысл. По мнению ученого, Алеша в момент своего перерождения освобождается от «православного ритуала и традиционного христианского учения» и переходит к новой стадии своего религиозного опыта [Джонс 2022: 218]. Аргументирует Джонс это тем, что в словах Алеши «Кто-то посетил меня мою душу в тот час» [Достоевский 14: 368] не упоминается Бог, а «в формулировках Алеши есть одновременно и раскованность, и точность», вызванные «новизной опыта» и невозможностью подобрать нужные слова из имеющегося до этого опыта, что и заставляет героя отказаться от «традиционных богословских формул» [Джонс 2022: 220]. Удачным подтверждением своей концепции находит эти наблюдения Джонса и сам Эпштейн: «Выразительный пример такого минимализма — слова Алеши Карамазова в минуту его величайшего прозрения, когда он видит во сне Зосиму и самого Христа, исполненных веселья на брачном пире. “Кто-то посетил мою душу в тот час”, — говорил он потом с твердою верой в слова свои.... Не Бог, не Христос — “кто-то”: апофатика, переходящая в минимализм» [Эпштейн: 404].

Еще один пример «переживания одним и тем же человеком бездонного отчаяния и ощущения полноты божественного присутствия»

только уже на пороге смерти — это, как полагает Джонс, образ Марке-ла [Джонс 2022: 139]. Любопытны также трактовки многих известных высказываний самого Достоевского и его героев. Например, в словах «красота спасет мир» Джонс видит «связь между эстетической и религиозной сферами», «между переживанием красоты и переживанием божественного» [Джонс 2022: 136].

Отдельные главы четвертого эссе посвящены «подполью как центру деконструктивной тревоги» [Джонс 2022: 140], которой охвачено современное Достоевскому общество, и неожиданно большое отступление о романе «Идиот» как «саморегулирующемся романе» [Джонс 2022: 140], специфике повествовательных стратегий Достоевского. В этой части интерпретационных поисков Джонс уже опирается на труды почитаемого им М. М. Бахтина и развивает мысль о том, что в большинстве произведений писателя «безличный всезнающий рассказчик» отсутствует. Вновь отметим, как парадоксально в логике рассуждений автора сочетаются различные методы литературоведческого анализа: традиция советского достоевсковедения в определении метода писателя как «фантастический реализм», теория полифонического романа Бахтина и «практика» деконструктивизма, объясняющая сложную диалектику текстов Достоевского.

Эссе V, упомянутое выше, объединяет два направления исследования, что выражено в самом названии главы — «Религиозная полемика в нарративной форме: “Братья Карамазовы”». Здесь на примере последнего романа Достоевского доказывается верность выдвинутых ранее тезисов, поскольку именно в этом произведении создается ситуация выбора «между религиозной верой и атеистическим отчаянием», которая позволяет говорить о «динамической связи» «религиозного опыта, практики и дискурса» [Джонс 2022: 176]. Развернуто интерпретируются наиболее значимые для рассматриваемой проблемы части романа в отдельных подглавках, имеющих весьма оригинальные названия: «Религиозный диалог: предварительная перестрелка», «Появление предельных вопросов», «Хронотоп пустыни», «Больше узоров в религиозном калейдоскопе» и проч.). Эссеистичность стиля позволяет автору свободно и смело выдвигать гипотезы, которые, несмотря на их дискуссионность, могут послужить толчком к открытию новых смыслов в последнем романе Достоевского.

Подробно пересказывая и анализируя первую часть романа, Джонс с опорой на теорию Бахтина говорит о принципиальном равноправии в диалоге различных религиозных воззрений: от абсолютного отрицания до столь же абсолютного приятия Бога. По мнению автора книги, уже в первой части «Братьев Карамазовых» представлено несколько диалогически равноправных «религиозных воззрений»: «психологические интерпретации» рассказчика, пытающегося оставаться объективным, «неверие по незнанию» Федора Павловича Карамазова и Смердякова, «светский либерализм Миусова и Ракитина», вера Алеши и старца Зосимы, «поэтическое язычество Дмитрия», «необразованное и суверенное благочестие Григория и Марфы», радикальный агностицизм или атеизм Ивана и карьеристская мотивация Ракитина» [Джонс 2022: 180–181]. Вот в ситуации такого идейного «многоголосия» и разыгрывается «религиозная драма», в центре которой Иван, решающий для себя «проклятый» (в книге названный «предельным») вопрос бытия Бога и бессмертия души человеческой. Поэтому наибольшее внимание исследователя приковано к его идейным исканиям, тогда как описателен анализ «религиозного опыта» отца Паисия и Ферапонта, даже старца Зосимы, чье жизнеописание и духовное завещание нужны, по мнению Джонса, только для того, «чтобы внести необходимую устойчивость в это в высшей степени неустойчивое многообразие или, выражаясь постструктуралистскими терминами, вновь ввести логоцентрическое понятие истины в мир, в котором, как выразился бы Деррида, нет ничего вне текста» [Джонс 2022: 205]. Говоря о важности завещания Зосимы для «понимания религиозного измерения романа», Джонс также пишет о нем как всего лишь «продукте межличностного диалога» [Джонс 2022: 213], указывающем на различные «точки входа» в то «духовное состояние», когда постигается Бог.

Автор решается высказать весьма смелую мысль о том, что «минимальная религия (религия, освобожденная от сложной интерпретационной традиции) находится в самом центре вероучения Зосимы» [Джонс 2022: 216], хотя и отмечает, что «православная традиция является каналом, по которому и Зосима, и Алеша пришли к своим религиозным видениям» [Джонс 2022: 226]. Отхождение Зосимы от православия подчеркивается созданием карикатурной, как считает исследователь, фигуры Ферапонта, которой Достоевский показывает, «что не только Иван и его представления бросают вызов

Зосиме, но и его собственная традиция» [Джонс 2022: 194]. Джонс полагает, что институт церкви играет в романе лишь «фоновую роль» [Джонс 2022: 226] и никак не влияет на проживаемый героями религиозный опыт. Также автор выдвигает неожиданное предположение, что старец Зосима в своем апофатическом понимании Бога и пережитом «минимальном религиозном опыте» [Джонс 2022: 207] встречается на «духовном перекрестке» с Иваном Карамазовым, поскольку Бог для обоих героев остается «неуловимым понятием», хотя и пути их расходятся в итоге [Джонс 2022: 214–215].

Таким образом, и в религиозном опыте старца Зосимы, и в духовных исканиях Ивана Карамазова Джонс видит предвосхищение «минимальной религии», особенно ярко высвеченной в поэме «Великий инквизитор», которая детально пересказывается и объясняется в книге. Выделяется им «хронотоп пустыни» как «мифического места», где «происходит расхождение между несомненностью веры и атеистическим отчаянием и где Иисус сделал свой роковой выбор идти с Богом, а не с сатаной» [Джонс 2022: 202–203]. Любопытно замечание, что подобный выбор Великий Инквизитор делает также в пустыне, поскольку сам признается в этом. Столь же тщательно разбирается функция чërта в раскрытии религиозного опыта Ивана.

На протяжении всей главы Джонс описывает найденные им в романе примеры, которые доказывают, что большинство персонажей «Братьев Карамазовых» склонны испытывать такой духовный опыт, который напоминает эпштейновскую «бедную религию», возможную только после проживания особого ощущения бездны, обнаруживаемой «в самом сердце апофатической традиции» и открывающей «либо божественное присутствие, либо дух небытия» [Джонс 2022: 225–226]. Наиболее идеальным приближением к «чистому типу минимальной религии» является, по мнению ученого, история Маркела, поскольку она не осложняется «интерпретативной теологической традицией», для которой «аспекты православного ритуала важны не сами по себе, а как врата к более высокому состоянию духовного созревания» [Джонс 2022: 206–207].

Особого внимания заслуживают помещенные в пятом эссе рассуждения автора книги о «диалектике молчания и тишины» [Джонс 2022: 237], их функциях в «Братьях Карамазовых», что опять-таки доказывает близость переживаемого героями духовно-

го опыта «минимальной религии». Разноуровневые характеристики молчания и тишины позволяют Джонсу сделать вывод об их значимости для романного мира «Братьев Карамазовых» и противопоставленности слову, не способному передать сущность религиозного чувства и его глубину.

В последнем эссе-заключении автор констатирует, что «вполне возможно убедительно интерпретировать Достоевского через призму модели Эпштейна, если перевести ее в синхронические термины и модифицировать с учетом того факта, что речь идет о досоветской реальности» [Джонс 2022: 239]. Образец такого анализа представлен в главе о «Братьях Карамазовых». Это позволяет говорить автору о перспективах дальнейшего изучения духовных поисков самого Достоевского и его героев как переживании опыта, близкого восхождению к «минимальной религии», или «новому христианству», вызревающему из «безмолвия тьмы, которое может привести к полноте и спокойствию веры, с одной стороны, или к опустошению бездны небытия, с другой» [Джонс 2022: 239]. Как считает Джонс, именно православная церковь, старообрядчество и русское сектантство содержат в себе примеры «минимальной религии», позволяющие говорить об особой предрасположенности к возникновению таковой в России, что и проявилось в гениальных прозрениях Достоевского. Исследователи же не смогли разглядеть эту особенность мира писателя в силу «религиозной или антирелигиозной предрасположенности самих критиков» [Джонс 2022: 247], а также утверждений самого писателя в своей приверженности православию, которая ставится под сомнение автором. Именно поэтому Джонс изначально исключает из своих рассуждений о сущности и эволюции религиозных взглядов Достоевского высказываемые им в «Дневнике писателя» суждения о духе русского православия и его роли в будущем человечества. Это ставит под сомнение объективность и верность предлагаемых Джонсом выводов о сохранявшихся до конца жизни религиозных сомнениях писателя, несмотря на веру «в силу образа Христа, независимо от того, существовала ли высшая трансцендентная реальность или нет» [Джонс 2022: 249]. Поэтому говорится в рецензируемой книге о прямом отражении собственного религиозного опыта Достоевского в сложно выстроенном идейном противостоянии его героев.

Предложенный Джонсом метод интерпретации творчества Достоевского, выстроенный с опорой на концепцию Бахтина и теории

Эпштейна, интересен, смел и оригинален. Он позволяет автору сделать тонкие замечания о многомерности поисков истины героями поздних романов писателя, их неуспокоенности и смятенности в решении вопроса о бытии Бога и бессмертии души человеческой, принципиальной иррациональности религиозного чувства и его неразгаданности. Книга Малкольма Джонса может послужить импульсом к дальнейшему постижению романного мира писателя, если речь идет о любителях русской классики, и обогащает научный и методологический арсенал современной достоевистики.

Список литературы
Источники

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Исследования

Богословие Достоевского / отв. ред. Т. А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 416 с.

Джонс Малкольм. Достоевский и динамика религиозного опыта. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. 287 с.

Джоунс Малкольм В. Достоевский после Бахтина: Исследование фантастического реализма Достоевского. СПб.: Акад. проект, 1998. 252 с.

Джоунс М. Достоевский. Засецкая и учение лорда Редстока // Достоевский: дополнения к комментарию. М.: Наука, 2005а. С. 297–314.

Джоунс М. Молчание в «Братьях Карамазовых» // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения. М.: Наука, 2007. С. 435–445.

Джоунс М. Романтизм в творчестве Ф. М. Достоевского: «Неточка Незванова» и «Матильда» Эжена Сю // Достоевский: дополнения к комментарию. М.: Наука, 2005б. С. 370–393.

Захаров В. Н. Имя автора – Достоевский: очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 455 с.

Захаров В. Н. Фантастические страницы Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2008. № 8. С. 385–397.

Степанян К. А. «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского. М.: Раритет, 2005. 512 с.

Эпштейн М. Н. Религия после атеизма. Новые возможности теологии. М.: АСТ-Пресс, 2013. 416 с.

Dostoevsky and the Christian Tradition, ed. by Pattison G. and Thompson D. O. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 281 p.

References

- Kasatkina, T. A., editor. *Bogoslovie Dostoevskogo* [*Dostoevsky's Theology*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021. 416 p. (In Russ.)
- Dzhons, Malkol'm. *Dostoevskii i dinamika religioznogo opyta* [*Dostoevsky and the Dynamics of Religious Experience*]. St. Petersburg, Academic Studies Press, Bibliorossika Publ., 2022. 287 p. (In Russ.)
- Dzhouns, Malkol'm V. *Dostoevskii posle Bakhtina: Issledovanie fantasticheskogo realizma Dostoevskogo* [*Dostoevsky after Bakhtin: A Study of Dostoevsky's Fantastic Realism*]. St. Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 1998. 252 p. (In Russ.)
- Dzhouns, Malkol'm. "Dostoevskii. Zaset'skaia i uchenie lorda Redstoka" ["Zaset'skaya and Lord Redstock's Teachings"]. *Dostoevskii: dopolneniia k kommentariiu* [*Dostoevsky: Additions to the Commentary*]. Moscow, Nauka Publ., 2005a, pp. 297–314. (In Russ.)
- Dzhouns, Malkol'm. "Molchanie v 'Brat'ia Karamazovykh." ["Silence in 'The Brothers Karamazov'"]. *Roman F. M. Dostoevskogo "Brat'ia Karamazovy": sovremennoe sostoianie izucheniia* [*F. M. Dostoevsky's Novel "The Brothers Karamazov": The Current State of the Study*]. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 435–445. (In Russ.)
- Dzhouns, Malkol'm. "Romantizm v tvorchestve F. M. Dostoevskogo: 'Netochka Nezvanova' i 'Matilda' Ezhena Siu" ["Romanticism in the Works of F. M. Dostoevsky: 'Netochka Nezvanova' and Eugène Sue's 'Matilda'"]. *Dostoevskii: dopolneniia k kommentariiu* [*Dostoevsky: Additions to the Commentary*]. Moscow, Nauka, 2005b, pp. 370–393. (In Russ.)
- Zakharov, V. N. *Imia avtora — Dostoevskii: ocherk tvorchestva* [*The Author's Name is Dostoevsky: An Essay on His Creativity*]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 455 p. (In Russ.)
- Zakharov, V. N. "Fantasticheskie stranitsy Dostoevskogo" ["Dostoevsky's Fantastic Pages"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, no. 8, 2008, pp. 385–397. (In Russ.)
- Stepanian, K. A. "Soznat' i skazat'": "Realizm v vysshem smysle" kak tvorcheskii metod F. M. Dostoevskogo ["To Realize and Say": "Realism in the Highest Sense" as F. M. Dostoevsky's Creative Method]. Moscow, Raritet Publ., 2005. 512 p. (In Russ.)
- Epshtein, M. N. *Religiia posle ateizma. Novye vozmozhnosti teologii* [*Religion after Atheism. New Possibilities of Theology*]. Moscow, AST-Press Publ., 2013. 416 p. (In Russ.)